

жалъ великаго артиста, что собственноручно началъ писать подъ его диктантъ его автобіографію. Онъ близко сошелся также съ Лермонтовымъ во время послѣдней поѣздки поэта въ Москву. Хорошія отношенія связывали его и съ Грибоѣдовымъ, который, какъ гласитъ преданіе, помогалъ ему лично своими бесѣдами усвоить роль Фамусова. Съ Гоголемъ нашего артиста соединяла прежде всего одинаково горячая любовь къ своей родинѣ, Малороссіи.

Между прочимъ, въ характерѣ обоихъ отразилась отличительная черта малороссовъ, именно, ихъ національный юморъ. Этотъ юморъ съ его поэтическими отѣнками былъ, по словамъ одного изъ поклонниковъ таланта Щепкина, тѣмъ новымъ элементомъ, тѣмъ своимъ роднымъ началомъ, которое внесъ на русскую сцену нашъ геніальной актеръ. И передовые люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ считали Щепкина необходимымъ членомъ своей семьи. Дружба его съ Бѣлинскимъ не прекращается до самой смерти великаго критика. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ съ семьей С. Т. Аксакова, съ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Герценомъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кудрявцевымъ и др. Съ особенной теплотою вспоминалъ Щепкинъ о Грановскомъ. „Бесѣды съ Грановскимъ“.—сказалъ артистъ на своемъ юбилейѣ,—поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“. Въ этомъ образованномъ кругу лучшихъ умовъ Щепкинъ былъ далеко не послѣдній человѣкъ. Напротивъ, онъ былъ тамъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ любимыхъ друзей. Доб-